

КРУПНЫМ ПЛАНОМ

Как часто бывает — выступит молодой музыкант или певец на престижном конкурсе, поразит и публику, и жюри, газеты о нем прокричат, а через какое-то время все это словно в песок уйдет — и не видно его, и не слышно. Только свидетели его триумфа вспоминают о нем и беспокоятся, где он да и что он. Звезда Натальи Ерасовой взошла на VIII Международном конкурсе имени Чайковского. Ее голос — великолепное «густое» меццо-сопрано — и мастерство отметили громкими аплодисментами слушатели и первой премией — жюри. Никто, кажется, тогда не сомневался, что певице уготована прямая дорога на оперный Олимп. Через два года, в 88-м, она была принята в группу Большого театра, и словно тяжелая дверь хлопнулась за ней: редкие выступления, все более затягивавшиеся периоды молчания. Но вот в конце прошлого сезона она выступила в партии Азучены в возобновленном «Трубадуре». Тут-то, казалось бы, и порадоваться за нее. Однако нет — выступила неудачно... Впрочем, сама Наталья Ерасова не согласна с такой оценкой своей работы. Она уверена, что Азучена — это ее роль. А если и не получилось что-то на премьере, так, может быть, только потому, что она вовсе и не собиралась петь премьеру. Ведь ей пришлось срочно заменить другую артистку...

Наталья Ерасова:

ЖДУ СЧАСТЬЯ. И НЕ НАПРАСНО!

— Чем же все-таки было вызвано ваше столь долгое молчание в Большом театре?

— Ну, как это обычно бывает, конфликтом. С одним из руководителей оперной труппы. Причиной стал мой отказ спеть партию Няни в последней версии «Евгения Онегина», от участия в которой было поставлено в зависимость исполнение мною ведущего меццо-сопранового репертуара. Но обращаясь к подробностям конфликта, честно говоря, мне бы не хотелось, потому что, несмотря ни на что, я верю в свое артистическое будущее.

— А что вы теперь поете в Большом?

— Во-первых, уже упомянутую вами — к сожалению, недоброе слово — Азучену. Во-вторых, я получила возможность работать над образом еще одной вердиевской героини — Ульрики и с нетерпением ожидаю момента, когда смогу показать ее зрителям. Но вообще-то пока у меня были лишь считанные выходы. Я исполнила роль Солохи в опере Римского-Корсакова «Ночь перед Рождеством». Партия не столько вокальная, сколько игровая, но, невзирая на это, я пою ее с большим удовольствием. Мне кажется, здесь произошло совпадение не только фактуры, но и характера — я по натуре жизнерадостный и немного авантюрный человек. Мне не пришлось, осваивая эту роль, что-то «ломать» в себе, преодолевать какие-то свои комплексы. Так же было и с Любашей из «Царской невесты» — в этот спектакль, к сожалению, я ввелась совсем недавно. Очень люблю эту партию, но до сих пор пела ее только на сценах других театров. Героини Римского-Корсакова вообще очень близки мне и легко «даются».

— Есть ли у вас какие-то планы, не связанные с театром?

— Я часто езжу с концертами по стране и не намерена отказываться от этой привычки. Публика у нас исключительно чуткая, и я всегда с удовольствием, хотя и со страхом, выношу на ее суд свои новые программы. В октябре буду петь в Вене «Песни и пляски смерти» Му-

сорского. В 95-м году Гарри Купфер будет ставить «Сказание о невидимом граде Китеже и девице Февронии» Римского-Корсакова на юбилейном — пятидесятом — фестивале в Брегенце. Владимир Федосеев — он будет дирижировать — предложил мне принять участие в этой постановке. Я с восторгом согласилась — ведь все-таки я в большей степени оперная певица, нежели концертная. В гриме, в движении, в контакте с партнерами чувствую себя на сцене куда увереннее и вдохновеннее. Потому меня так и огорчает, что моя карьера в театре пока не очень складывалась.

— Как вам кажется, из-за чего это происходит?

— По сравнению с певцами, выступающими вместе со мной на Конкурсе Чайковского, карьеры я, конечно, не сделала, во всяком случае на сегодняшний день. Но я уже довольно взрослый человек с вполне сформировавшейся шкалой жизненных ценностей. И на этой шкале равное положение занимают творчество и семья. С точки зрения многих моих коллег, было большой глупостью после побед на трех международных конкурсах рожать второго ребенка, но я пошла на это абсолютно сознательно. (Вот, кстати, «личная» причина одного из периодов молчания).

— Вы не фанатично преданы работе?

— Очень люблю свою работу, но — вы совершенно правы — не фанатично. Наверное, оттого, что совсем не тщеславна, хотя и самолюбива. Меня не волнует, останется ли мое имя в веках. Я не люблю, когда меня узнают на улице, — всегда в этот момент чувствую себя беззащитной и считаю, что имею

право на личную жизнь. Да не покажутся эти слова обидными для моих поклонников.

— Анализируете ли вы каждый свой прожитый день?

— Нет. Не успеваю. И потом — я не люблю «перебирать» какие-то житейские мелочи или заниматься самокопанием. По-моему, куда полезнее глобально оценивать прожитое.

— А каковы ваши критерии оценки собственных поступков?

— Мне очень важно, чтобы я сама себя уважала. Я просто физически страдаю, если мне приходится поступать вопреки своей совести. Может быть, поэтому в общении с людьми я довольно прямолинейна.

— Вы конфликтны по своей натуре?

— Нет. Никогда не скандалю, «не качаю прав» — просто отхожу в сторону. Я ценю искреннее человеческое общение и никогда не стану поддерживать отношений с так называемыми «нужными людьми». Но из-за этого-то нередко и происходят конфликты. Так, например, «поссорилась» я с телевидением.

В 86-м году, после победы на Конкурсе Чайковского, получила я приглашение на телевидение принять участие в праздничном концерте, посвященном Дню Конституции. Отказаться не рискнула — выступила, исполнила песню Дунаевского «Звезды милой Родины». А через некоторое время позвонила мне некая дама из музыкальной редакции и, обращаясь ко мне на «ты», командирским тоном заявила, что я ей нужна с той же песней в каком-то партийно-комсомольском концерте. Я стала объяснять, что я оперная певица и не могу, да и не хочу

выступать на этом вечере. В ответ мне было сказано, что, только участвуя в подобных мероприятиях, можно сделать себе карьеру. Конечно же, я не появилась в том концерте, но и на телевидении с тех пор тоже не появлялась.

— Но, может быть, у вас все же есть покровители?

— Давайте лучше говорить о людях, которые принимали участие в моей судьбе. Мне очень везло в жизни на хороших людей. Первым моим педагогом по вокалу была Алла Анатольевна Соколова, которая буквально за руку привела меня на подготовительное отделение Минской консерватории. А с легкой руки Зураба Соткилавы я стала студенткой консерватории Московской.

Очень обязана я своему первому концертмейстеру Людмиле Соколовой, с которой работала с первого курса консерватории в течение пятнадцати лет. По окончании учебы я никуда не стала подписывать распределения, ибо чувствовала, что умею гораздо меньше, чем могу. Признаться, я не была прилежной ученицей. И Людмила Соколовой пришлось очень многому учить меня.

— Я знаю, что вы очень привязаны к Ирине Константиновне Архиповой.

— Да. И ее тоже считаю своим учителем. Уроки Архиповой я посещала уже после того, как отучилась в консерватории. Потом я прослушивалась в Большой, но тогда меня не взяли. Однако именно с ее разрешения меня допустили к отбору на Конкурс Чайковского — ведь по тогдашним правилам, в нем могли участвовать только лауреаты или дипломанты каких-либо других конкур-

сов. А я к тому времени лишь дважды безрезультатно принимала участие в Конкурсе Глинки. Насколько мне известно, ей даже звонили из ЦК КПСС и интересовались, почему Ерасова оказалась в числе конкурсантов. На что Ирина Константиновна ответила: «Когда вы ее услышите, у вас уже не будет никаких вопросов».

С особым чувством также вспоминаю три сезона работы в Пермском театре, в который рекомендовали меня Архипова, Биешу и Долуханова. Со мной никто никогда так не занимался, как тогдашний главный дирижер этого театра Александр Михайлович Анисимов (сейчас он работает в Минске). Я воспряла духом, поверила в себя и подготовила одновременно две такие разные партии, как Амнерис в «Аиде» — не просто для меня образ, потому что это совсем не мой характер, и Марфа в «Хованщине», которая мне давалась особенно тяжело.

— Различаются ли как-нибудь ваши исполнительские и слушательские пристрастия?

— Колоссально. Мне очень нравится слушать музыку Шумана, Гершвина, а исполнять ее я не умею. Люблю музыку французских композиторов, но отношусь к ней с большой опаской. Я четко знаю свои возможности и не претендую на «всеядность». А есть произведения, о которых я с уверенностью могу сказать, что это «мое». Прежде всего — итальянская оперная музыка и, конечно же, русская. Особый разговор о Глинке — при его кажущейся простоте он очень сложен для исполнителя.

Есть вещи, с которыми я, наверное, не справлюсь, однако это не означает, что не попробую их спеть. Так, например, сейчас меня занимает мысль поработать над балладами Шуберта. К сожалению, не могу похвастаться тем, что мой репертуар из произведений немецких романтиков очень велик. Я только чуть-чуть прикасалась к этому музыкальному пласту.

— Для чего вы каждый раз выходите на сцену?

— Очень хочу, чтобы слушатели сопереживали моим чувствам. Как это было со мной на концертах Ирины Архиповой.

— Какая у вас сейчас основная трудность?

— Никак не удается походить. (Смеется).

— Вы веселый человек?

— Я оптимистка. Считаю, что поводы для радости надо находить самому, и всегда стремлюсь сама создавать себе хорошее настроение.

— Так вы счастливый человек?

— Счастье ведь сиюминутно, преходяще. Но я всегда живу в его ожидании и, признаюсь, не напрасно.

— А чего вы ждете от дня завтрашнего?

— Я никогда не позволяю себе мечтать о заведомо несбыточных вещах — предпочитаю приятные неожиданности нежданному разочарованию. Мне хочется «купаться» в работе, хочется, чтобы все стремились меня слушать, ибо чувствую неудовлетворенность, потому что не имею сегодня той вокальной нагрузки, которую в состоянии нести.

Беседу вела
Мария БАБАЛОВА.